

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПСИХОАНАЛИЗА

Что нам делать с и без эротического переноса?

А. В. Россохин

Россохин Андрей Владимирович – титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, рук. магистерских программ «Психоанализ и психоаналитическая психотерапия» и «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, действительный член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), президент Московской психоаналитической ассоциации (МПА), почетный президент Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (АРСВС), главный редактор журнала «Журнал клинического и прикладного психоанализа».

В предлагаемой статье автор утверждает, что амбивалентный интерперенос существует с самого начала психоаналитического процесса и представляет собой динамически изменяющийся баланс между эротической и агрессивной составляющими. Эротический перенос и контрперенос неразрывно связаны с первосценами, соответственно, пациента и аналитика. Способность аналитика поддерживать и прорабатывать эротический перенос без его перехода в «горячие» фазы; выходить из них, если они возникнут, сохраняя психоаналитический процесс, – все это прямо зависит от устойчивости его внутренней триангулярности, а именно от достаточно хорошего принятия собственной первосцены. Это позволит ему принимать всевозможные отцовские и материнские проекции пациента и быть для него в переносе и контрпереносе одновременно разными образами матери и отца. Способность аналитика к одновременной бессознательной эмпатической идентификации с последними прямо зависит от возникшего у него в ходе собственного анализа в определенной степени бесконфликтного внутреннего пространства первосцены – эротического сосуществования отцовского и материнского, мужского и женского.

Теоретические положения подробно проиллюстрированы анализом психотерапевтического кейса.

Ключевые слова: психоанализ, квантовый психоанализ, перенос, контрперенос, эротический перенос, первосцена, интерперенос, интерпретация.

«Путь аналитика иной – такой, которому нет примера в реальной жизни».
Зигмунд Фрейд. «Заметки о любви в переносе» (1915)

Без эротического переноса нет психоанализа?

В начале статьи я выскажу несколько собственных тезисов о месте и судьбе эротического переноса в психоаналитическом процессе.

1) Нет ни одного психоаналитического процесса без эротического (любовного) переноса. Если психоанализ начался, эротический перенос уже в нем присутствует.

2) В каждом психоаналитическом процессе с самого начала присутствует трансферентно-контртрансферентная первосцена.

3) Нет эротизированного переноса пациента без скрытого эротизированного контрпереноса аналитика.

4) Нет ни одного психоаналитического процесса без амбивалентного (любовного и враждебного одновременно) переноса и контрпереноса.

5) Нет ни одного психоаналитического процесса без одновременного существования отцовского и материнского амбивалентных переносов и контрпереносов.

6) Остатки как любовного, так и агрессивного переноса и контрпереноса продолжают существовать и после хорошего завершения анализа.

Теоретическое знание о том, что эротический перенос может *иногда* проявляться в работе с некоторыми пациентами, защищает аналитика от необходимости быть в контакте с влечением к жизни как у своих пациентов, так и у самого себя. Эротический перенос пугает возможностью быстрого перехода в эротизированную форму (Сандлер и др., 1997), подобно тому как небольшие волны могут быстро перейти в сильный шторм. Еще большую тревогу вызывает эротический контрперенос, до сих пор расцениваемый многими аналитиками как показатель профнепригодности или свидетельство недостаточно хорошо пройденного собственного анализа.

Как бы ни хотелось коллегам-психотерапевтам гуманистических направлений, ни у нас, ни у наших пациентов нет экзистенциального, духовного, несексуального внутреннего мира. Внутренний мир каждого из нас неустранимо и базово инфантильно психосексуальный, и эта его любовно-эротическая основа останется с нами вплоть до самой смерти. Это, конечно, никак не ущемляет ни его экзистенциальности, ни его духовности, которые формируются как ответ на его психосексуальность.

Психоаналитический процесс возникнет только в том случае, если в нем с самого начала будет развиваться как эротический, так и агрессивный перенос. Разыгрывая на психоаналитической сцене конфликты своих влечений к жизни (любви) и смерти (ненависти), пациент вовлекает в них аналитика, который посредством своего контрпереноса неизбежно оказывается на этой же сцене.

Чтобы аналитик мог поддерживать в ходе анализа психическое пространство, в котором эротический перенос и контрперенос развивались

без чрезмерного защитного отыгрывания или перехода к «горячим» формам, у него должна быть устойчивая внутренняя триангулярность, а именно достаточно хорошее принятие внутренней психической первосцены и, соответственно, собственной психической бисексуальности. Это позволит ему принимать всевозможные отцовские и материнские проекции пациента и быть для него в переносе и контрпереносе одновременно разными образами матери и отца. Способность аналитика к одновременной бессознательной эмпатической идентификации с последними прямо зависит от возникшего у него в ходе собственного анализа в определенной степени бесконфликтного внутреннего пространства первосцены – эротического сосуществования отцовского и материнского, мужского и женского.

Психоанализ как совместное путешествие, способствующее открытию пациентом неизвестных областей своего конфликтного внутреннего мира, сопровождается совместным регрессом обоих участников, запускающим процесс развития множественных химер интерпереноса (Россохин, 2020), который всегда эротический и агрессивный в один и тот же момент и в котором влечение к жизни (любовь) и влечение к смерти (ненависть) сосуществуют с самого начала.

Если регресс действительно происходит, а это является одним из необходимых условий психоанализа, то разворачивающийся на психоаналитической сцене регрессивно-эмпатический, трансферентно-контртрансферентный (интертрансферентный) психический спектакль отражает важные для пациента психосексуальные конфликты. Это простое описание психоанализа помогает нам понять, что с самого начала представление на сцене проходит под влиянием эротического и агрессивного интерпереноса, который принципиально инфантильно психосексуальный или, точнее, психически бисексуальный, то есть в котором одновременно присутствуют как отцовские, так и материнские компоненты.

Размышляя об эротическом переносе, мы зачастую попадаем в диадную ловушку. Это или эдипов (генитальный) отцовский гетеро- или гомоэротический перенос, или соответствующий материнский перенос. Это может быть также преэдипов (прегенитальный) или даже архаический отцовский или материнский перенос. Все выглядит так, словно мы действительно можем в нашей работе последовательно переходить от одного уровня к другому, от матери к отцу и т. п. Подобная диадность и линейность психоаналитической работы как раз и помогают избежать внутреннего «вызова первосцены» – одновременного и непрерывного существования эротического и агрессивного отцовско-материнского представления на психоаналитической сцене.

В статье, посвященной новому прочтению классического кейса Человека-Волка, я привожу некоторые теоретические и технические выводы, согласно которым феноменология взаимодействия переноса пациента и контрпереноса аналитика в ходе психоаналитического процесса представляет собой различные проявления первосцены с ее отцовско-материнскими репрезентациями, неизбежно разворачивающейся на всех трех уровнях – генитальном, прегенитальном, архаическом. Если мы

видим только один уровень развития процесса, это означает лишь то, что два другие разыгрываются во все нарастающей «темноте», и это может привести к непредсказуемым отыгрываниям и вторжениям в текущее развитие анализа (Россохин, 2021).

Смысл вышесказанного заключается в том, что нет никакого эротического переноса и контрпереноса вне первосцены с ее триангулярностью. Если на переднем плане сцены разыгрывается эротический отцовский перенос пациентки к аналитику-мужчине, то совсем недалеко за кулисами скрывается тот или иной материнский эротический или агрессивный перенос. Одновременно на соседних в той или иной степени затемненных психических сценах могут идти эротически и одновременно агрессивно окрашенные постановки прегенитального и архаического уровней интерпереноса с различными эдиповыми, преэдиповыми и архаическими отцовскими и материнскими объектами.

Опасения, связанные с эротическим переносом; сопротивление его появлению и развитию; невозможность его проработки; игнорирование его и/или отрицание, часто приводящие к бессознательному сговору между эротическим переносом и эротическим контрпереносом, – все это может быть следствием фокусирования психоаналитика лишь на одной хорошо освещенной сцене и игнорирования им многих других, менее освещенных сцен.

Из всего сказанного вытекает один простой, но трудный для выполнения технический прием, который может помочь аналитику в работе не только с эротическим переносом, но и с любым другим переносом. Если терапевт не чувствует и не видит в материале пациента элементов эротического переноса, то он должен спросить себя, не избегает ли он их восприятия у пациента и у самого себя. Аналитик может относительно внезапно обнаружить себя в условиях нарастающего эротического шторма, который, например, вызывает у него или пугающий его самого ответный контрперенос, или желание немедленно «поставить пациента на место» путем интерпретации этого переноса. И первое, и второе являются следствием сопротивления аналитика проживанию и пониманию происходящего на психоаналитической сцене. Оказавшись захваченным одной-единственной сценой, он может быть не в состоянии продолжать действительно психоаналитическую работу. Здесь крайне важна способность аналитика выйти из этой захваченности единственной сценой и ввести в психоаналитическое пространство новые сцены.

Сильный отцовский эротический перенос может ослабнуть, если в этот момент аналитик окажется способным быть в контакте не только со своим отцовским, но и с материнским контрпереносом. Это возможно, как я уже отмечал выше, в случае достаточно хорошего принятия им собственной психической бисексуальности и в определенной мере бесконфликтного сосуществования матери и отца в первосцене. Если этот результат не был достигнут в его личном анализе, то он бессознательно будет разрушать одновременное существование эротической пары, стремясь оставить на психоаналитической сцене лишь один объект, мать или отца.

Эротический или любовный перенос?

Что такое эротический перенос? Что мы вкладываем в это определение? Мы часто используем другое прилагательное в качестве синонима – любовный перенос. Два кажущихся на первый взгляд разными термина (эротический и любовный перенос) несут в себе один и тот же смысл. Нет никакой любви без сексуальности и сексуальности без любви. Тождественность эротического и любовного переноса следует из того простого факта, что в основе любого переноса лежит конфликт двух влечений – жизни и смерти. Влечение к жизни в свою очередь базируется на сексуальном влечении. Любовь, будучи более сложным и комплексным понятием, всегда питается сексуальным влечением. Без либидо нет любви. Это касается всех видов любви – между взрослыми людьми, отцовской и материнской, сиблинговой, дружеской, любви детей к родителям и др.

Инфантильная любовь – любовь к родительскому объекту, материнскому или отцовскому, – напрямую связана с сексуальным влечением, и, когда мы говорим о любовном переносе, мы всегда имеем в виду инфантильно-любовный, эротический перенос. Его проявления могут быть совершенно различными – от нежности, заботы, желания быть понятым, услышанным до желания овладеть объектом, поглотить его. В своей предельно эротизированной фазе любовь в переносе (создание связей) отдает доминирование на психической сцене влечению к смерти (разрыв связей), проявляющемуся посредством ненависти в переносе.

Зрелая любовь неизбежно включает в себя элементы инфантильной любви и ненависти, но они не доминируют, а скорее создают богатую эмоциональную палитру взрослым любовным отношениям, в которых влечение к жизни и влечение к смерти нашли свой динамично меняющийся, но не такой разрушительный, как в случае доминирования инфантильных составляющих, баланс между жизнью и смертью, любовью и ненавистью.

В этом смысле совершенно невозможно ни дать определение, ни даже рассуждать о любви вне ее связи с ненавистью. Зрелая любовь – это непрерывно меняющийся баланс любви и ненависти, в котором психические силы развязывания (влечение к смерти, агрессивный перенос) не дают психическим силам связывания (влечение к жизни, любовный перенос) двигаться к слиянию. Динамический, непрерывно меняющийся баланс между любовью (сближение) и ненавистью (разделение) при доминировании влечения к жизни и создает развивающееся пространство любви, непрерывно колеблющееся между слиянием и разделением и одновременно постепенно (осторожно) развивающееся в направлении слияния.

Всегда амбивалентный интерперенос

В соответствии со своей концепцией квантового психоанализа я буду говорить не об эротическом или агрессивном переносе, а о соответствующих состояниях интерпереноса (Россохин, 2010), так как переноса не существует без контрпереноса. Эротический интерперенос (любовь в интерпереносе) – это множество совершенно разнообразных чувств пациента и аналитика в отношении друг друга. Хочется выстроить их спектр в линию от легкой симпатии до страстной горячей любви, подобно градации теплоты воды между двумя крайностями – ледяной и кипящей, однако это был бы предельно упрощенный и неверный взгляд.

Во-первых, например, у пациента нет единственного, целостного образа аналитика. Не просто в разные моменты анализа, а всегда на психоаналитической сцене сосуществует бесконечное множество архаических, преэдиповых, эдиповых отцовских и материнских образов, спроецированных в переносе на аналитика. Кроме этого, каждый такой образ (объект, в том числе и частичный) амбивалентно эмоционально заряжен в соответствии с тем ли иным зафиксированным в бессознательном отношении к нему и отражает соответствующее конфликтное соотношение влечений к жизни и к смерти, любви и ненависти. Все это не просто разрывает линейность описываемой картины, а создает ее принципиальную нелинейность и многомерность.

Это, однако, не лишает нас возможности размышлять и описывать возможные коллизии эротического переноса, проецируя его многомерную нелинейную реальность на одно-, двух- или трехмерные измерения. Тогда мы можем говорить о таких его проявлениях как обо всем спектре доброжелательности (включая доброжелательную нейтральность), симпатии, нежности, инфантильной любви, любви в обыденном взрослом понимании этого слова и т. д. Классически понимаемая «чистая» нейтральность психоаналитика доступна только искусственному интеллекту, лишённому (пока) эмоций.

Часть из них базируется на определенном, нечрезмерном доминировании влечения к жизни, то есть они, как правило, заряжены более либидинально, чем мортидо. Но различие незначительное. Это «теплые», менее «горячие» части спектра интерпереноса. По мере увеличения эмоционального накала, например в любовном направлении (движение к слиянию) перехода к сильной страсти и вызывающему тревогу возбуждению и перевозбуждению, психическая энергия, связанная с влечением к смерти, начинает доминировать над либидо, питающим влечение к жизни. Эротический перенос начинает постепенно (не мгновенно!) переходить в состояния, описываемые как эротизированный перенос. Тем не менее вплоть до «точки невозврата» даже в пространстве так называемого эротизированного переноса аналитик еще может многое сделать и начать постепенный возврат невыносимого и обжигающего эротизированного переноса в его сначала переносимое состояние и затем в более теплую и живую эротическую фазу.

Что для этого нужно? Во-первых, осознание аналитиком собственного вклада в происходящее на анализе – собственного эротизированного контрпереноса, без которого подобный перенос у пациента просто не мог бы развиваться. Осознать бессознательный сговор и начать выход из него представляет собой важнейший начальный этап в проработке трудного эротического переноса, значительно уже перешедшего в почти невыносимую фазу. Постепенный выход из сговора означает возвращение способности аналитика чувствовать и размышлять аналитически. Этот второй этап позволит ему увидеть схваченность одной-единственной сценой, на которой он играл одну-единственную роль, например эдипового или преэдипового отца/матери.

На третьем этапе, который, конечно, происходит не последовательно за вторым, а скорее сопровождает его, аналитик начинает лучше всматриваться в материал пациента, чувствовать и осмысливать его с других, по возможности максимально разных перспектив. Это позволяет ему начать видеть в казавшейся ему ранее кромешной темноте сначала очертания, затем все более ясные фигуры и их действия на других, расположенных на различных уровнях и в отдалении от бывшей ранее основной психоаналитической сцены. Если в эротизированном переносе и контрпереносе он был, например, эдиповым отцом, то он начинает ощущать и видеть материнский преэдипов или эдипов перенос-контрперенос.

Его фиксация на одной сцене ослабевает, определенная, пусть даже совсем небольшая многомерность усиливается. Это сначала снимает «эротизированную» парализованность аналитика, позволяя ему принимать различные отцовско-материнские проекции пациента. Восстановленная внутренняя триангулярность помогает ему начать себя чувствовать в анализе уже не только как эдипов отец, но и как мать в эдиповой первосцене, и/или как менее возбуждающий преэдипов отец, и/или более контейнирующая преэдипова мать в преэдиповой первосцене.

На этом третьем этапе перед пациентом постепенно оказывается не один эдипов отец, а разные материнско-отцовские объекты, что снижает диадную невыносимость и напряжение, расширяет и обогащает центральную сцену, позволяет выйти из диадного капкана. Я думаю, что использовать интерпретации эротического переноса при переходе его в эротизированную фазу непродуктивно и приведет к негативному результату – усилению сопротивления пониманию интерпретаций и еще большему переносу. Диадные отношения должны сначала раскрыться до триадных и более, чтобы пациент, немного успокоившись, был способен начать переосмысление своих переживаний вместе с интерпретирующим аналитиком.

Только на этом четвертом этапе работы с запущенным эротическим переносом его интерпретации будут услышаны и восприняты пациентом. Сами эти интерпретации в начале четвертого этапа должны быть скорее интерпретациями в переносе, но в переносе не эротическом, а в переносе на аналитика другого, успокаивающего и защищающего от перевозбуждения объекта. В нашем примере – интерпретация изнутри преэдипового материнского переноса.

Интерпретация, услышанная из уст эдиповой матери, будет или отвергнута, как слова объекта, мешающего любовной связи с отцом, или, напротив, приведет к усилению вины и самонаказания. Интерпретация же, произнесенная презэдиповой неконфронтующей и заботливой матерью, позволяющей иметь чувства к отцу, но контейнирующей их и защищающей ребенка от перевозбуждения, будет не только услышана, но и может сыграть важнейшую роль в проживании пациентом своих запретных чувств и понимании их.

Кейс эротизированного цунами

В известном сериале «Пациенты» («In Treatment»), в частности, показана работа психотерапевта Пола Уэстона с пациенткой по имени Лора. Это, конечно, придуманная история – фильм, рассказывающий о никогда не происходившей психотерапии, – но он прекрасно демонстрирует один из возможных сценариев развития последней в случае существования бессознательного сговора и его психотравмирующих последствий для обоих участников этого сговора.

Сериал начинается с демонстрации сессии с молодой женщиной, в ходе которой Лора признается психотерапевту в любви. Из сессии мы узнаем, что это происходит спустя год после начала психотерапии лицом к лицу, один раз в неделю. Терапевт изумлен и обескуражен, он, кажется, совершенно не ожидал подобного развития терапии.

Это классический переход от, казалось бы, невидимого терапевтом ранее эротического переноса к эротизированному переносу, переход от постепенно усиливающегося скрытого возбуждения к сильнейшему шторму, который угрожает разрушить всю проделанную работу.

Мог ли психотерапевт не замечать усиливающихся волн во время их совместного с пациенткой плавания? Мог ли эротический перенос пациентки развиваться в течение года сам по себе, без соучастия эротического контрпереноса терапевта? Был ли последний таким же невидимым для психотерапевта, как и перенос пациентки? Наконец, главный вопрос: может ли психотерапевт, столкнувшись с прорывом запретных фантазийных чувств и разрушением терапии, не продолжать делать вид, что ничего не происходит (псевдонейтральность), не защищаться, не перекладывать вину за происходящее на пациента и его психопатологию, не стремиться всеми силами интерпретировать эротический перенос в попытке достучаться до наблюдающего Я пациента, а постепенно успокоить эмоциональный накал и возбуждение пациента, вернуть процесс в психотерапевтическое русло?

На этой показанной в фильме первой сессии, состоявшейся через год после начала психотерапии, Лора рассказывает Полу о своем разрыве с женихом Эндрю и последовавшей за этим сексуальной сценой с незнакомым мужчиной в туалете бара накануне сессии. В конце этой сессии Лора заявляет Полу, что любит и хочет его.

Лора: «Эндрю прав. Я ему изменяю».

Пол: «Вы о том, что было прошлой ночью?»

Лора: «Не только прошлой ночью. Я ему давно изменяю».

Пол: «Почему мы не обсуждали это прежде?»

Лора: «Мы обсуждали это с самого начала. Хотите сказать, что вы не замечали? Вы удивлены?»

Пол: «Нет, я не удивлен. Я просто не понимаю, о чем вы».

Лора: «Не на такую реакцию я рассчитывала, не на такую».

Пол: «А на какую реакцию вы рассчитывали?»

Лора: «У меня было два сценария. Первый – вы встаете, обнимаете меня и говорите: "Я люблю тебя, я тоже люблю тебя, Лора. Люблю тебя уже давно, я просто хотел, чтобы ты сказала это первой". И мы занимаемся любовью».

Пол: «А второй сценарий?»

Лора: «Такой же, как первый, но без секса, мы просто сидим рядом.

(Пауза.)

Слушайте, мне даже говорить об этом стыдно. Вы сидите тут, как чертов Будда, как будто понятия не имеете, о чем речь. Просто униженно».

Пол: «Давно у вас такие чувства?»

Лора: «Год, с первого сеанса. Я думала, это пройдет, думала, это просто увлечение, не более. Но становилось только хуже. Вы стали смыслом моей жизни».

Пол: «Лора, я ваш психотерапевт. Правила и границы наших отношений заданы профессиональной этикой. Я не вариант. Возможно, вы используете меня как предлог, чтобы поставить точку в отношениях с Эндрю».

Лора: «Знаете, почему я не трахнулась с тем парнем? Не из-за Эндрю. Не потому, что не хотела изменить, я хочу изменить ему, но с вами».

(Дальше Лора рассказывает о том, как она фантазировала в баре о своем психотерапевте и сексе с ним в туалете.)

Лора: «Я будто пришла сюда в потемках и ухожу в еще большую тьму. Ну, как мне быть?»

Пол: «Поговорим об этом через неделю».

Сразу замечу, что, по-видимому, подобная возникшая в психотерапии ситуация крайне редка в психоанализе. Психоаналитики благодаря личному анализу, как правило, способны осознавать появление эротического переноса и умеют работать с ним, не допуская его перехода в критически турбулентную эротизированную фазу.

В рассматриваемом примере терапевт оказался быстро соблазненным пациенткой на получение тайного, скрытого от самого себя, эротического удовлетворения. Бессознательный сговор между ними, возникший практически с первых сессий, мог оставаться за кулисами еще долгое время, если бы Лора не решилась смело вывести его на сцену. При ярком свете рампы они «эффективно» психотерапевтически сотрудничали, но в полутьме за кулисами разыгрывалась совсем другая драма, в которой

психотерапевт не был ни жертвой любовных притязаний пациентки, ни ее пассивным участником, а играл вполне активную роль. Важно ясно осознавать, что вся ответственность за последствия такой «психотерапии» лежит на психотерапевте, а не на пациентке, которая вместо помощи получила тщетную надежду на удовлетворение инфантильных запретных желаний, направленных на своего отца.

Немного проанализируем эту и три последующие за ней сессии на предмет того, что упустил психотерапевт и мог ли он что-то сделать даже в такой запущенной до 9-балльного шторма психотерапевтической ситуации.

У нас нет возможности проследить, как проявлялся эротический перенос-контрперенос с начала психотерапии, когда и как он мог бы быть распознан более опытным и проработанным психотерапевтом, но совершенно очевидно, что за год работы в материале сессий было множество более или менее заметных сигналов и проявлений, указывающих на его развитие. Никакой шторм не начинается мгновенно. Опытный капитан будет способен предугадать его приближение по некоторым признакам: изменение цвета неба; быстрое, разнонаправленное движение облаков; море становится беспокойным, волны идут не по ветру и постепенно усиливаются; появляется пена на гребне волны и др. Это понимание или, точнее, слушание и чувствование морской ситуации позволяют ему или продолжать плавание на корабле, или принять решение об уходе в бухту с целью переждать там шторм.

Аналогично опытный психоаналитик предчувствует приближение эротического переноса, продолжает анализ и дает ему возможность развиваться до того момента, пока этот перенос не будет нуждаться в проработке и интерпретировании. Слишком ранняя интерпретация эротического переноса, часто являющаяся следствием боязни терапевта собственного контрпереноса, прекратит регресс пациента, а вместе с ним и весь психоаналитический процесс, который рискует в этом случае превратиться в интеллектуально-аналитическую психотерапию.

Слишком поздняя проработка эротического переноса, являющаяся следствием сопротивления терапевта осознанию собственного контрпереноса, может привести или к бессознательному стовору, или к «цунами»-отыгрыванию вовне или в терапии, разрушающему весь процесс лечения и способному привести к чрезвычайно деструктивным последствиям для обоих участников, в первую очередь для пациента, конечно.

В этой статье я использую придуманный в фильме сценарий психотерапии, чтобы на его примере посмотреть, что можно сделать в ситуации «цунами», возможно ли его выдержать и начать делать что-то, чтобы перенос постепенно успокаивался и работа могла продолжиться.

В самом начале первой сессии, в конце которой она призналась терапевту в любви, Лора, рассказывая про ссору с Эндрю, говорит: «Я бросилась в истерику, как **трехлетняя**, лежала, рыдала, послала его к черту». И в другом месте этой же сессии: «Я собиралась пописать в одиночестве. Я с **трех лет** с этим сама справляюсь».

Это упоминание о трех годах не случайно. Оно отсылает нас к тому, что то, что прямо сейчас переживает пациентка, относится не к ее взрослой

любовной жизни, а к раннему периоду ее детства. Это, однако, никак не заинтересовало ее психотерапевта. Как истерика и рыдания в три года связаны с такими же переживаниями при разрыве с женихом? Лора использует третью фигуру (мужчина в баре, психотерапевт) для того, чтобы разорвать пугающие ее возрастающей близостью отношения с Эндрю, на которого она одновременно проецирует и материнский, и отцовский образы. На четвертой сессии мы узнаем о ее сильном чувстве любви к матери и страшной боли от ее потери. Ее отец, который должен был бы поддерживать дочь, потерявшую мать, сам впал в горе и проявлял к ней полное безразличие, в то время как она ждала от него исцеляющей любви. Она думала, что получит эту любовь от другого отцовского объекта, Дэвида, который, злоупотребляя ею, дал ей немного этой «любви» в обмен на сексуальные отношения.

На центральной сцене психотерапевт таким образом стал новым воплощением отцовского объекта, от которого она ожидала наконец получить внимание, заботу и любовь, которую не могла получить от своего отца. История с Дэвидом показала ей, что «отцовскую» любовь невозможно получить без платы за нее в виде секса, поэтому она и развила эротический перенос с самого начала психотерапии.

Фактически вместо помощи пациентке в регрессе в ранние детские годы и проживании соответствующих материнско-отцовско-детских конфликтов (три года!) терапевт бессознательно удовлетворился защитной ролью злоупотребляющего ею заместителя отца. Защитной не только для него, но именно для нее, так как эта роль защищает Лору от встречи с горем от потери матери и невозможности получить любовь от отца.

Истинно психоаналитический взгляд, тем не менее, должен привести нас и к другим психическим сценам, на которых маленькая девочка, потерявшая мать, не просто ждет отцовской любви, но, испытав не только боль, но и триумф от ухода матери, стремится заменить ее в своей жизни с отцом. Мы знаем, что она старалась заботиться о нем как мать (делала ему завтраки) и, видимо, пыталась, соблазняя его как маленькая девочка, фантазирующая о том, что она взрослая женщина, «вдохнуть в него жизнь», как это она делала затем со своим психотерапевтом.

Она ожидала от отца именно второй, а не первый вариант ответа на ее инфантильную заботу и соблазнение. Напомню, что в отцовском переносе на Пола она говорит о двух сценариях ответа терапевта на ее признание в любви. Первый – любовь и секс. Второй – только любовь, без секса.

Если бы терапевт смог увидеть эту вторую, спрятанную за первой, перевозбужденной сцену, то у него появился бы шанс начать говорить с пациенткой именно об этой сцене и о том, что на ней происходит (неинцестуозная любовь от/к отцу и матери), и это постепенное переключение на ранние детские переживания могло бы успокоить эротизированное цунами на передней, ярко освещенной психотерапевтической сцене (первый сценарий – любовь за секс, за инцест).

Для того чтобы увидеть эту скрытую сцену, терапевт должен был бы слушать пациента не только своими собственными ушами, удовлетворяющими нужды его вытесненных сексуальных влечений, но в первую

очередь контртрансферентными отцовским и материнским ушами одновременно – быть способным принять на себя и отцовские, и материнские проекции, образы, быть для пациентки и матерью, и отцом в переносе одновременно, осознавая возникающие при этом конфликты и прорабатывая их вместе с пациенткой.

Видеть материал как материнским, так и отцовским глазом, по возможности одновременно; слушать его (и самого себя) как материнским, так и отцовским ухом – это возможность вести психоаналитический процесс одновременно на разных сценах, не теряя его многомерности и нелинейности. Это единственная гарантия от блокирования психоанализа на одной-единственной сцене или от попадания в бессознательный сговор.

Приведу еще один пример того, как можно услышать материал материнским ухом. На этой же первой сессии Лора, рассказывая, как после разрыва с Дэвидом с ней познакомился мужчина в баре, сказала: «Знаете, что сказал? Он сказал: **"Ты такая грустная"**. А я ему: "Правда?" А он: "Да, правда, это тебе идет"... Что скажете? Мне правда идет, когда я грустная?» Пол ответил: «Боюсь, что **грусть никому не идет**». Этим ответом он не просто проигнорировал грусть пациентки, он фактически сказал ей, что если она хочет ему нравиться, то она не должна быть грустной и рассказывать ему про свою грусть. В других моментах терапевт был внимателен к ее различным и не только положительным чувствам, но в этот момент он ответил изнутри своего контрпереноса, поощряя ее к защитным проявлениям приятного соблазнения. Если бы он услышал материнским ухом, что Лора говорит о том, что **она была грустная**, то он постарался бы лучше понять причины ее **грусти от потери** жениха, вместо того чтобы интерпретировать все происходящее как его использование Лорой для того, чтобы разорвать отношения с Эндрю.

На второй сессии Лора внезапно замолчала. И, когда Пол спросил ее, о чем она думает, она ответила, что ей пришла в голову страшная мысль о том, что с ним может что-то случиться. Через сессию мы узнаем, что ее мать умерла от рака, и, очевидно, что за год терапии Пол не мог не узнать об этом. Тем не менее это указание на скрытый материнский перенос, одновременно присутствующий с эротизированным отцовским переносом, было также проигнорировано терапевтом, что привело к драматическому отыгрыванию в самом конце сессии.

Лора: «Я знала, что вы будете все отрицать. Разве такое могло с вами случиться? Но оно случилось. Я это знаю, и вы это знаете».

Пол: «Что случилось, Лора?»

Лора: «Вы и я, Пол. Мы случились. И все то, о чем вы думаете, перед тем как засыпаете рядом со своей женой».

Пол: «Наше время закончилось, Лора. Мы продолжим через неделю».

И уже в дверях Лора поворачивается к терапевту и говорит: «Вы обязаны это сказать. Просто скажите. Вы хотите меня? Просто ответьте – да или нет». Пол отвечает: «Нет». Лора выходит из кабинета.

Казалось бы, что перенос достиг уровня цунами и психотерапию уже ничего не может спасти, но мы увидим, что вплоть до самого последнего разрушения у терапевта все еще была возможность вернуть процесс в терапевтическое русло.

На третьей сессии Лора атакует Пола, говоря ему, что он прячется за правилами, чтобы не говорить о случившемся, словно ничего и не было. Она обвиняет его, что если бы она не заговорила о том, чем закончилась предыдущая сессия, то он и не вспомнил бы об этом. В конце этой сессии она говорит: «Я поняла вас, Пол. Вы хотите выгнать меня из терапии. Я все поняла».

Пол: «Я не хочу выгонять вас. Но я считаю, что нам следует допустить возможность закончить эти сеансы».

Лора: «Как давно вы думаете об этом? Вы давно уже планируете избавиться от меня?»...

Пол: «Я только прошу вас подумать, помогает ли вам эта терапия».

Лора: «О! Теперь вы пытаетесь смягчить удар, спасибо, не беспокойтесь».

Пол: «Во-вторых, я думаю, что это вы давно отказались от меня. Вы не хотите, чтобы я относился к вам как психолог. Вы хотите, чтобы я вел себя как человек, влюбленный в вас. Я считаю, что это не оставляет нам шансов на успех в терапии. Давайте признаем, я давно уже не психолог для вас, Лора. Я тот, кто говорит вам "нет", я тот, кто вас унижает. Я целый год унижаю вас тем, что не отвечаю вам взаимностью. Я искренне считаю, что очень трудно продолжать работу с таким эмоциональным напряжением».

Лора: «Вы вдруг перестали быть хорошим психологом? Я что, первая пациентка, которая влюбилась в вас, Пол? Вы терапевт с 20-летним стажем. Вы должны знать, что делается в таких случаях. Господи, разберитесь же с этим!.. (Пауза.) ...А может быть, вы не можете меня консультировать, потому что тоже любите меня?»

Мы слышим крик о помощи, обращенный к психотерапевту и повисший в воздухе. Вместо помощи Пол ответил: «Я не могу, потому что вы слишком часто переходили границы. Вы нарушили их, сказав, что не хотите быть моей пациенткой».

На четвертом сеансе Лора подробно рассказывает Полу о том, как она занималась любовью с Алексом, другим пациентом Пола, и как она испытала фантастический оргазм. В ответ Пол, находящийся в сильном неосознаваемом им контрпереносе, раздраженно нападает на Лору: «На это можно посмотреть с разных сторон. Но мне очевидно одно: вы переспали с моим пациентом». Дальше между ними следует перепалка, в процессе которой Пол старается продолжать психотерапию: «Вы не случайно переспали с ним, и я не считаю совпадением то, что у вас начался роман сразу после того, как я предложил вам закончить терапию». Он совершенно точно проводит связь между отыгрыванием Лоры накануне признания терапевту в любви и сексом с Алексом и заканчивает свою интерпретацию

сильным выводом: «Вот как вы решили сказать мне о своих чувствах – через секс с другим». Это лишь вызывает рост сопротивления и агрессию у Лоры: «Пол, я ясно сказала, без намеков и уловок, что хочу вас. Мне не нужно спать с другим мужчиной, чтобы сообщить об этом».

Пол продолжает: «Что вас так расстроило в Алексее?»

Лора: «Его одиночество. Он грустный».

Пол понимает, что Лора проецирует на Алекса свои собственные чувства: «Вам было грустно?»

«Нет, – грустно отвечает Лора, – я испытывала желание».

Пол: «Вам грустно из-за него, но не из-за себя».

Лора: «К чему вы ведете?»

Пол: «Может быть, вам было грустно потому, что вы были не с тем, с кем хотели быть?»

Эта «блестящая» интерпретация Пола показывает силу его вовлеченности в эротизированный перенос. Она кажется точной, но она фактически переводит фантазийное, трансферентное, нереальное и инфантильное пространство переживаний Лоры в мир взрослых взаимоотношений мужчины и женщины, объективирует их, придает им статус реальных, а не трансферентных.

Лора немедленно реагирует: «То есть когда я спала с Алексом, на самом деле я спала с вами?»

Пол повышает ставки: «Это так?»

Лора контратакует: «Не льстите себе».

Пол: «Это не комплимент, Лора. Это больше похоже на вызов. Смотри, что ты потерял, Пол. Ты трус, идиот».

Эта кажущаяся интерпретационная смелость Пола представляет собой не более чем пик отыгрывания его собственного эротизированного контрпереноса. Они оба все больше говорят о происходящем как об объективной реальности. Даже если бы вместо этого перевозбужденного эротического взаимодействия психотерапевт стремился связать чувства Лоры с переносом на него ее отношения к отцу в детстве, это бы не вызвало ничего, кроме усиления агрессии пациента, уверенного в том, что психотерапевт ее любит и просто боится этих чувств.

И вновь, как и в предыдущей сессии, именно Лора, стремясь сохранить отношения с терапевтом (в переносе – с важными для нее материнским и отцовским объектами) и не довести ситуацию до разрыва и прекращения терапии, отступает от эротизированной пропасти. Она внезапно успокаивается, ее напряжение спадает, и она говорит тихим голосом: «Я устала... я так устала...» Лора словно превращается в маленькую беззащитную девочку. Она внимательно смотрит на Пола, словно ищет в нем кого-то другого, кто может ее защитить от ее перевозбуждения, успокоить ее, с кем она не чувствовала бы себя одинокой и кому она не должна была бы платить за это присутствие сексом.

Лора: «Когда Алекс ушел, я не могла заснуть. Мне вдруг ужасно захотелось чизкейка... Знаете, эти чудесные воздушные чизкейки, которые потрясающе пахнут. Моя мама пекла такие. Каждую пятницу, погуляв с друзьями, я приходила домой... этот запах, он опьянял... как будто ароматный след вел меня домой... как в мультфильмах. А потом мама заболела. Рак был только в начальной стадии. Когда началась химиотерапия, она перестала печь. Она очень уставала. У нее не было сил. Это был первый знак, что скоро случится что-то плохое. Когда она болела, я заметила, что брожу по коридорам дома, поднимаюсь и спускаюсь по лестнице и ищу запах чизкейка... Звучит банально, да? ...Я помню, как однажды женщина вышла из своей квартиры (Лора плачет, и Пол заботливо протягивает ей салфетки) и увидела меня в коридоре. Она не знала, кто я. Наверное, она недавно переехала. Она начала кричать на меня: «Уходи домой, ты что делаешь, чего стоишь?» (Плачет.)

Лора снова говорит о желании, но оно не относится ни, с ее точки зрения, к «легитимному» желанию мужчины-терапевта, ни к запретному желанию, направленному к отцу. В этот момент возможной потери терапевта она вспоминает о потере матери, о материнской заботе (чизкейк), которая всегда насыщала ее и давала ей ощущение полноты жизни. Пол, не зная, что делать с признанием пациентки, и бессознательно боясь своего влечения к ней, предлагает ей закончить терапию. Он выступает в роли той женщины из ее воспоминания, которая прогоняла маленькую Лору из ее дома.

Если бы психотерапевт не был так сильно погружен в свой эротизированный контрперенос, если бы он смог услышать пациентку не только своим отцовским, но и материнским ухом, если бы он не был полностью захвачен одной-единственной сценой, он мог бы достаточно легко увидеть перед собой не истеричную пациентку, ищущую в нем ту отцовскую любовь, которой ей так не хватало в детстве, когда она осталась с ним одна после смерти матери. Ее отец, полностью погружившийся в свое горе, проявлял безразличие к дочери, которой так требовалась его забота и невозбужденная любовь.

Другая отцовская фигура, знакомый семьи Дэвид, воспользовался этим невыносимым одиночеством девочки, закрепив у нее сценарий «Лолиты»: после смерти матери ты можешь получить любовь, только заплатив за это сексом. В этот момент сессии Лоре была так необходима потерянная мать, ее материнский перенос на Пола предельно ясно и открыто выражался в словах, что не так часто бывает. Однако терапевт не услышал этого призыва, который мог бы успокоить перевозбуждение и сохранить психотерапевтический процесс.

Пол: «Почему в ту ночь вы вспомнили именно это?»

Лора (сквозь слезы): «Не знаю... Я всю квартиру перерыла, искала их рецепт. Это все равно не помогло бы. У меня в холодильнике пусто... А потом позвонил Алекс, поблагодарил меня, сказал, что ему было со мной хорошо и что он хочет снова меня увидеть. Я подумала: "Ну надо же!" Он заедет за мной сюда».

Лора искала рецепт того, как иметь любовь без платы за нее в виде секса, но не могла его найти. Вновь появившийся Алекс успокоил ее. Он был готов «любить ее», если у них будет секс. Пол почти гневно восклицает: «Сюда?»

Почти сразу вслед за этим последовал очередной эмоциональный взрыв со стороны Лоры, которая кричит своему психотерапевту: «Вместо того чтобы откровенно сказать: "Послушай, Лора, у меня тоже есть чувства к тебе, и мне трудно с ними справиться". Вместо того чтобы обсудить это, чтобы мы могли продолжить терапию, чтобы...» Пол перебивает ее: «Чтобы что? Чтобы мы могли быть вместе? Вы это имеете в виду?» Лора выкрикивает: «Мы уже год вместе, Пол. Год! Между нами больше близости, чем между большинством мужей и жен. Разве нет?»

Мы ясно видим желание Лоры **продолжить терапию**, которое смешивается с инфантильным эротизированным переносом, требующим секса прямо здесь и сейчас. В очередной раз Пол, вместо того чтобы услышать ее желание продолжать терапию и постепенно на его основе аккуратно прорабатывать ее страх близких отношений с женихом и стремление их разрушить в ожидании потери, безразличия или предательства, вновь переводит фокус на их взаимоотношения, усиливая и без того невыносимое перевозбуждение пациентки.

Я постарался показать, что даже в самых, казалось бы, безнадежных психотерапевтических ситуациях всегда присутствует материал, который, если он будет услышан обоими ушами – материнским и отцовским – одновременно, может помочь психотерапевту/психоаналитику обнаружить другие, скрытые в полутьме психические сцены и преодолеть схваченность одной-единственной сценой, на которой бушует цунами. Для этого, однако, терапевт должен сначала выйти из своего собственного эротизированного переноса, о существовании которого он до этого момента оставался в неведении.

Для эротического интерпереноса, который перешел в эротизированную, горячую фазу отыгрывания в действии или в речи пациента и/или психоаналитика, характерна непреклонная убежденность одного из них или обоих сразу в том, что их любовные чувства ко второму участнику психоанализа абсолютно реальны, что эти чувства именно те, которые два взрослых человека могут испытывать друг к другу. Если такой интерперенос прошел определенную точку невозврата, то сделать уже ничего нельзя. Аналитик не сможет увидеть и услышать то, что могло бы ему помочь постепенно открыть другие затемненные сцены, немного успокаивая ситуацию и возвращая ее в психоаналитическое русло. В этом случае он не сможет помочь ни пациенту, ни себе и повторная травматизация неизбежна. Лучшее, что терапевт может сделать для пациента в такой ситуации, – честно признаться ему/ей, что он оказался недостаточно профессионально компетентным, чтобы защитить его от повторения травмы, и посоветовать ему начать психоанализ с другим аналитиком. Сам он также должен предпринять новый личный анализ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Россохин А. В.* Интерсознание в психоанализе. М.: Когито-Центр, 2010.
2. *Россохин А. В.* Интерпретации в психоанализе: там, где было Я и Оно, должно стать Иное // Журнал клинического и прикладного психоанализа. 2020. № 1(1). С. 5–51.
3. *Россохин А. В.* Эдипова и/или архаическая первосцена. «Человек-Волк» – новое прочтение (часть 2) // Журнал клинического и прикладного психоанализа. 2021. № 2(2). С. 22–40.
4. *Россохин А. В.* Коллизии современного психоанализа: от конфронтации подходов к их динамическому взаимодействию (эволюция теории аналитической техники) // Журнал клинического и прикладного психоанализа. 2022. № 3(2). С. 18–81.
5. *Сандлер Дж., Дэр К., Холдер А.* Пациент и психоаналитик. Основы психоаналитического процесса. М.: Смысл, 1997.
6. *Фрейд З.* Заметки о любви в переносе // Эротический и эротизированный перенос / Под ред. М. В. Ромашкевича. М.: Канон, 2015.

What we do with and without erotic transference?

A. V. Rossokhin

Rossokhin Andrey V., Titular member of the Paris Psychoanalytical Society (SPP), Doctor of Science in Psychology, Professor, Head of the Department of Psychoanalysis and Business Consulting at the National Research University "Higher School of Economics", Head of the Master's Programs "Psychoanalysis and Psychoanalytical Psychotherapy" and "Psychoanalysis and Psychoanalytical Business Consulting", member of the International Psychoanalytical Association (IPA), President of the Moscow Psychoanalytical Association (MPA), Honorary President of the Association of Psychoanalytic Coaching and Business Consulting (APCBC), Editor-in-Chief of the Journal of Clinical and Applied Psychoanalysis the Association of Psychoanalytic Coaching and Business Consulting (APCBC).*

In the proposed article, the author argues that ambivalent intertransference exists from the very beginning of the psychoanalytic process and represents a dynamically changing balance between erotic and aggressive components. Erotic transference and countertransference are inseparably linked with the primal scenes of the patient and the analyst respectively. The analyst's ability to maintain and work through erotic transference without its transition into "hot" phases; to get out of them, if they arise, preserving the psychoanalytic process – all this directly depends on the stability of his internal triangularity, namely, on a good enough acceptance of his own primal scene. This will allow him to accept all kinds of paternal and maternal projections of the patient and to be for him in transference and countertransference different images of mother and father at the same time. The analyst's ability of simultaneous unconscious empathic identification with the latter directly depends on the, to a certain extent, conflict-free inner space of the primal scene that has developed in his own analysis - the erotic coexistence of the paternal and maternal, masculine and feminine. The theoretical positions are illustrated in detail by the analysis of the psychotherapeutic case.

Keywords: psychoanalysis, quantum psychoanalysis, transference, countertransference, erotic transference, primal scene, intertransference, interpretation.

* Doctor of Sciences. A post-doctoral degree called Doctor of Sciences is given to reflect second advanced research qualifications or higher doctorates in ISCED 2011.